

МИГРАЦИИ В АРХЕОЛОГИИ

Л.С.Клейн

МИГРАЦИЯ ТОХАРОВ В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИИ

L.S.Klejn. Migration of Tokharians in the Light of Archaeological Data.

Migration of Tokharians from their Indo-European original homeland to the places of their later habitation in Xinjiang is related to the prehistory, this is a commonplace, but archaeological correlates to the stages of this migration are outlined differently. Recently Vlad. Semenov suggested to hold Afanas'ev culture for Tokharian while Pit-grave culture for pre-Tokharian. This however is in disagreement with the data on the Pit-grave culture as a hearth of Indo-Iranian ethnogenesis as well as with the linguistic evidences on former sojourn of Tokharians in Finno-Ugrian medium. In the present article an attempt is made to identify Karasuk culture as Tokharian and to connect the preceding stage of their movement to the east with Fat'yanovo culture. Some data are adduced on successive ties of these two cultures.

Предлагаемая работа была выполнена в 1986 — 87 гг. и обнародована устно в качестве доклада на семинаре в Институте этнографии и антропологии АН СССР в Ленинграде. Я собирался развить выдвигаемые здесь положения, но все время другие занятия откладывали эту работу и, соответственно, публикацию в печати. Поскольку просвета в занятости не видно, отъезжая на год преподавать в Америку, я решил на публикацию в том предварительном виде, какой работа имеет сейчас. Внес лишь незначительные дополнения (упоминания позднейшей литературы).

1. Под именем тохаров

1. Индоевропейцы арси и кучан. Индоевропейские языки, называемые в лингвистике тохарскими (Тохарские 1959), были открыты в самом конце XIX века. Они зафиксированы индийской письменностью в Синьцзяне, в бассейне Тарима, для VI — VIII вв. н.э. Там же, в древних росписях пещерных монастырей, местная знать изображена как блондины с белой кожей и голубыми глазами, так что индоевропейская речь здесь — это речь европеоидного населения или слоя. До сих пор у местных уйгуров сильна доля европеоидности (Чебоксаров 1977).

Языки эти близко родственны друг другу, принадлежат народам схожего происхождения. Самоназвание одного из них, восточного (обозначенного у лингвистов тохарский А), было *арси* (от названия города Арги, кит. Яньци), а уйгуры в индийской письменности называли его туграми (тохарами). Самоназвание другого, более архаичного (у лингвистов тохарский В), — *кучан* (от названия города Куча), и тюрки называли его *кюсян*, а пишущие по-индийски авторы опять же тохарами (Краузе 1959). Т. е. сами себя эти народы тохарами не называли, и так их не называли китайцы. Китайские раннесредневековые источники помещали царство Тухоло (Тохар) гораздо западнее — среди среднеазиатских государств, в Бактрии (Цзи Сянь-линь 1959). Там же знали Тохаристан и арабы (с IV в. н.э.). Язык Тохаристана — иранский.

Таким образом, пишущие по-индийски авторы почему-то распространили название обитавших в Среднеазиатском междуречье ираноязычных тохаров и на далеких восточных индоевропейцев, а за индийскими авторами это обозначение стали применять и европейские ученые. На деле же, судя по столь разнородным источникам, как китайские и арабские, настоящие тохары жили западнее, в Средней Азии.

2. Настоящие тохары. За полтысячи лет до того, в последние века до н.э. — первые века н.э., римские авторы помещали тохаров (греч. *Τόχαροι*, *Ταχόροι*) именно в Средней Азии, и там же китайские источники знали Давань, а по Пулиблэнку (Pulleblank 1966) Давань — это поздняя передача раннекитайского *Tax-(u)ar*. Столицей этого государства был г. Гуй-шуань или Кюй-шуань; это позднейшая Кушания, откуда происходят основатели Кушанской империи, ставшие распространителями буддизма. Индийские источники (буддийские тексты, пураны, эпос) упоминают народ тухара (тушара) рядом с яванами (греками-ионийцами), но не знают кушанов, которые ожидалось бы в таких контекстах. Похоже, что для индийцев ранние тохары — это кушаны.

Пулиблэнк привел некоторые данные в пользу предположения, что настоящие тохары переселились в Среднюю Азию вместе с юечжами (ятиями) в начале этого периода с север-

ной периферии Китая и уже здесь восприняли иранскую речь, а до переселения оба народа вместе с усунями (асианами) говорили на том же языке индоевропейской речи, что и арси и кучан. Имена кушанских царей (Канишка, Хувишка и Васишка) интерпретируются (Иванов 1967) как содержащие суффикс, типичный для языка кучан, демонстрируя традицию, принесенную с востока. Это языковое родство могло бы объяснить индийский перенос названия. Однако Бэйли и Хеннинг объясняют эти имена

как иранские, так что, возможно, что в переносе сказало созвучие тюркского «кюсян», т. е. кушанский, с названием кушан. Во всяком случае, усуней китайские источники описывают как людей «с голубыми (зелеными) глазами и рыжими бородами, похожих на обезьян» (видимо, с непривычным для китайцев волосатым телом), а в места их первоначального обитания иранская топонимика не заходит. В таком случае усунь (асиане) — того же корня, что и арси и кучан.

2. Серы на шелковом пути

3. Условные тохары на рубеже эр. Далее соответственно лингвистической традиции только арси и кучан здесь будут именоваться тохарами.

Уже тогда, на рубеже эр, эти тохары (т. е. арси и кучан) находились под влиянием индийских (буддистских) миссионеров. Индийские названия реки Ганг и священной горы Сумеру поступили в китайский язык в эпоху Хань, т. е. в последние века до н.э. — первые века н.э., и, судя по их звуковому оформлению (Хэн, Сюйми), — через тохарские (Ганк, Ган, Сумер), а не через хотанский или уйгурский (Цзи Сянь-Линь 1959). Слово «мед» (mi, mat < * miet) заимствовано китайским не позднее III в. до н.э. из тохарского B mit < * miät (Поливанов 1916; Иванов 1959). Значит, в это время тохары (арси и кучан) жили по соседству с Китаем и Индией, т. е. скорее всего уже в Синьцзяне, на Тариме.

4. Греческие сведения о серах. Ок. 200 г. до н.э. греки (Птолемей) отличали от царства синов со столицей в Тине (Циньский Китай) царство серов, от которого на запад вел путь торговли шелком. Очагом серов был бассейн Та-

рима. Цейлонские послы описывали серов как обитавших за Гималаями, рослых, рыжеволосых и голубоглазых. По местности, времени и облику это, видимо, были те же условные тохары. «Серы» — явно не самоназвание, а кличка по основному предмету торговли: греч. σπρίκον от кит. sir, sirkek «шелк» (из греческого термина, принятого за производный от этноса, вычленен этноним).

5. Без этнонима. Китайские хроники описывают походы китайцев в последние века до н.э. в бассейн Тарима с целью захвата торговых путей на запад и сопротивление, оказанное китайцам местным населением. Но все эти хроники не приводят этноним этого населения. Отсутствие такового, вынудившее пишущих по-индийски уйгуров распространить на него чужой этноним, а греков — назвать его по примете, говорит о том, что в этот период тохары пребывали в раздробленном состоянии. Формирование тохарских этносов относилось к более раннему времени, что, впрочем, явствует из степенного расхождения тохарских языков к середине I тыс. н.э.

3. Европеоидные соседи Китая

6. Северные соседи Китая на рубеже эр и европеоидный компонент. Китайские хроники последних веков до н.э. — первых веков н.э. знают на севере целый ряд народов европеоидного облика (Грум-Гржимайло 1899, 1909, 1926; Дебец 1931; Гумилев 1959). Из них ближайшими северными соседями серов были усунь, известные античным авторам под именем асианов или асиев, и юечжи — античные ятии, инд. яду. На север от последних обитали сюнну (хунны), у которых, судя по китайским описаниям, была европеоидная примесь, а еще севернее жили динлины, о которых, вопреки Грум-Гржимайло и Гумилеву, таких сведений нет (Maenchen-Helfen 1939). Динлины упоминаются с конца III в. до н.э. между верхним Енисеем и «северным морем» (Байкалом), и соответственно название «Динлин» получили Саяны. Динлины массами переселялись в Китай. Киселев (1949) и Членова (1967) отнесли к динлинам

таштыкскую культуру Минусинской котловины, но эту культуру скорее следует отнести гянгуням (кыргызам-хягас), западным соседям динлинов. Некоторая степень европеоидности таштыкского населения видна по его маскам, но маски показывают и сильную монголоидную примесь. Дальнейшее усиление последней за счет инфильтрации (динлинов?) привело к формированию смешанного облика енисейских кыргызов (хакасов) раннего средневековья.

То есть, кроме неназванного китайцами населения Таримских оазисов, известного грекам под именем серов, на северных границах Китая существовало и другое европеоидное население, по меньшей мере это усунь (асиане) и юечжи (ятии), а европеоидная примесь была и еще у некоторых соседей Китая.

7. Древность европеоидного компонента. Несколькими веками раньше, в VII — VI веках до н.э., в самом бассейне Хуанхэ китайцы

вели борьбу с европеоидными племенами ди (древнее произношение, по Карльгрёну, Пулиблэнку и Яхонтову, «дьок» (d'iook), а еще раньше, возможно, «льок»). Китайцы смешивались с ними — отсюда у древних китайцев выступающие носы и пышные бороды, а у некоторых их героев — и голубые глаза (Гумилев 1959). Китайские источники путают ди с динлинями, видимо, из-за сближения в позднем звучании названий, и, основываясь на этом, Грум-Гржимайло построил гипотезу об оттеснении ди на северо-запад и превращении их в динлинов, но Гумилев, вероятно, прав в том, что это разные народы.

Который из народов, располагавшихся на рубеже эр на северных границах Китая, втор-

гался раньше, в VII — VI веках, под именем «дьок» в сердцевины Китая, и был ли это один из них или какой-то иной европеоидный народ, неизвестно.

В Минусинских степях в это время проживало тоже чисто европеоидное население тагарской культуры, от которого и происходит европеоидный компонент таштыкского населения. Перед тагарской культурой, в позднем бронзовом веке, там обитали люди карасукской культуры, тоже европеоидные. А перед ними люди афанасьевской культуры, опять же европеоидные. Сплошная традиция европеоидности из глубины бронзового века Южной Сибири и Центральной Азии ведет ко времени обитания тохаров в Центральной Азии.

4. Индоевропейский вклад в китайских языке и культуре

8. Европеоидная лексика в китайском.

Лингвисты установили ранний вклад индоевропейцев в формирование китайской культурной лексики, преимущественно терминов скотоводства, причем Конради подтвердил заимствование анализом ситуаций с реалиями (Conradi 1925; Jensen 1936). Кое-что включено в этот вклад по ошибке: «крупный рогатый скот» ngizu, ngu, go < *gui < *gud при kut «вол» перешло в китайский из шумерского gud, а не из индоевропейского *guoi. В остальном в этом индоевропейском вкладе можно выделить два пласта. Один пласт состоит из названий лошади (ma, так, ср. монгол. mori), гуся (ngan, ср. япон. gan), кисломолочного продукта или масла (lac < *klac, где знак < означает внутреннюю реконструкцию, без обращения к другим языкам). Эти названия не имеют соответствий в тохарской терминологии, но происходят из речи западных окраин индоевропейского ареала (ирл. marc, сканд. marg; древнеиндоевроп. *ghan-s, нем. Gans, слав. го'нь; латин. anser < *hanser; греч. γαλαγς γαλακτος, латин. lac < glac, гот. klac). Второй

пласт содержит названия собаки (hün < *k'i'en) и меда (*miet) и имеет источник в тохарских терминах (ku, kwem; mit)!

Первый пласт распространен (за исключением lac) и в родственных китайскому языках, т. е., возможно, заимствован еще на уровне, близком к сино-тибетскому. Второй пласт, предположительно тохарский, отмечается только в китайском языке, т. е. содержит более поздние заимствования. Арийских заимствований в этом раннем вкладе, в обоих его пластах, нет.

9. Древний европеоидный вклад в китайской культуре. Историки культуры установили, что коневодство, колесницы, мифы и ритуалы, связанные с конем, заимствованы китайцами в бронзовом веке с запада, в частности, представление о колеснице Солнца, влекомой конями, о созвездии Большой Медведицы как Повозке и др. (Izushi 1930; Dewall 1964; Pulleyblank 1966; Кожин 1968, 1969; Piggott 1974; Васильев 1974, 1976). Это источник индоевропейский и, судя по языковым контактам, не арийский, тогда как тохарская его принадлежность не исключается.

5. Выбор археологической культуры для тохаров в Азии

10. Три культуры. Три археологические культуры бронзового века Южной Сибири в принципе могут претендовать на соответствие такому источнику: афанасьевская, андроновская, карасукская (все — с европеоидным населением). Правда, повозки в них не зафиксированы, но наличие их крайне вероятно по косвенным соображениям (родственность культур с повозками, в афанасьевской — находки псалиев, см. Кожин 1970, в карасукской — возможно, распределители вожжей в виде моделей ярма). Из этих культур андроновская не подходит, так как идентифицируется с ариями (иранцами). Остаются афанасьевская и карасукская.

Нужно еще предусмотреть возможные предковые европейские культуры для той, которая будет избрана в качестве тохарской в Азии, будь

то афанасьевская или карасукская.

11. Европейско-сибирские археологические связи. Из двух южно-сибирских культур археологи склоняются к афанасьевской. Ее предлагали Даниленко (1974: 137, 234 — 235) и Сафронов (1983: 84), подробно обосновал гипотезу Вл. Семенов (1987; 1993), за ним повторил Посредников (1990). Семенов называет продвижение тохаров к Тариму «древнейшей миграцией индоевропейцев на восток» и связывает эту миграцию с западным происхождением афанасьевской культуры — из ямной. В пользу этого родства Семенов приводит ряд сходств: перекрытие могильной ямы плитами, кромлех, наличие охры, остродонную керамику и др. Керамика в ямной культуре не остродонная, а яйцевидная, хотя некоторое сходство есть. Но афанасьев-

ская культура не выводится прямо из ямной, а ямная культура с более вескими основаниями может считаться очагом арийского этногенеза (исходным для иранцев и их родичей).

Таким образом, из культур Южной Сибири остается карасукская культура. Существенно, что если афанасьевская восточнее Енисея не заходит и Семенову приходится как-то объяснять привязку к ней тохаров из Синьцзяна, то для карасукской Енисей — это крайний запад. Культурные комплексы карасукского типа распространены на восток до Хингана, а находки карасукского облика встречаются широко в Северном Китае (Новгородова 1970, карта на рис. 1). Новгородова специально отмечает миграционную активность карасукцев (Новгородова 1987).

Из культур Восточной Европы на роль культуры, исходной для тохарской миграции, ямная вряд ли подходит. Выдвигалась на эту роль катакомбная общность (Литвинский 1963), но, как я показал, по крайней мере, одна из катакомбных культур бронзового века наших степей может быть идентифицирована как индо-арийская (Клейн 1980; Klejn 1984), да и связи не подходят: о связи катакомбного комплекса с афанасьевским еще может идти речь, но не о связи с карасукским. Лингвисты предлагали абашевскую культуру, исходя из ее географического положения и только (Горнунг 1963: 87-89; Лелеков 1982: 36), но это предложение оспаривал археолог (Тереножкин 1961: 245). Действительно, никаких археологических связей с культурой Южной Сибири.

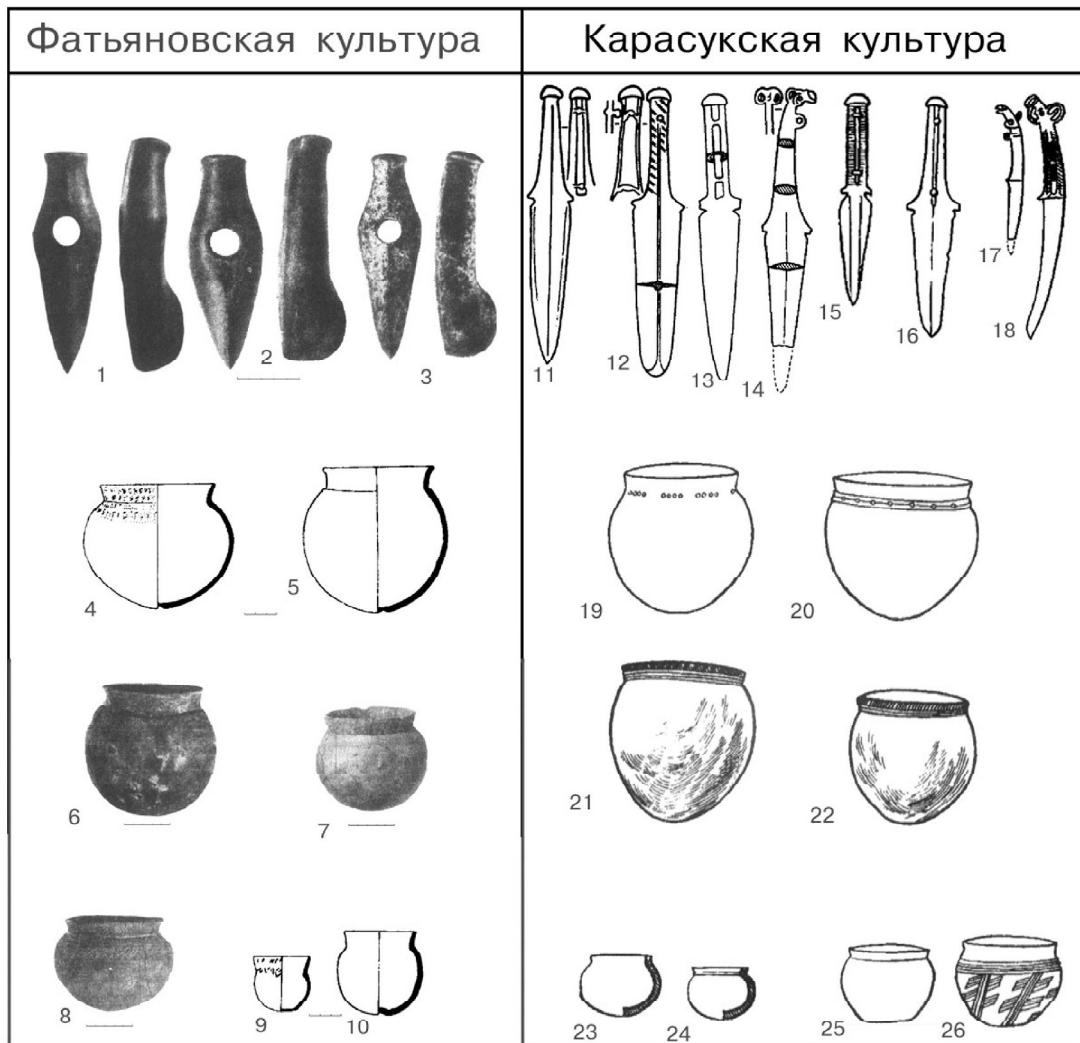

Табл. 1. Сравнительная таблица основных типов вещей Фатьяновской и Карасукской культуры. 1 – Волосово-Даниловский могильник; 2 – Наумовский могильник; 3 – Никульцинский могильник; 4 – (Крайнов 1972: рис. 38/5); 5 – (Крайнов 1972: рис. 38/4); 6 – Кривцовский могильник; 7 – Болишевский могильник; 8 – Ильинско-Хованский могильник; 9 – (Крайнов 1972: рис. 38/7); 10 – (Крайнов 1972: рис. 38/13); 11 – Минусинский край, Дженом; 12 – Умурское, Сухая Ерба; 13 – Таштып; 14 – Усть-Тулутай, р. Онон; 15 – (Новгородова 1970: рис. 36/29); 16 – (Новгородова 1970: рис. 36/28); 17 – (Новгородова 1970: рис. 36/20); 18 – (Новгородова 1970: рис. 36/21); 19 – Быстрая, могильник 7; 20 – Тесь на Тубе, могильник 7, погребение 1; 21 – улус Федоров, погребение 11; 22 – улус Федоров, погребение 7; 23 – колхоз «Красный Маяк», могильник 3; 24 – Усть-Сыда, могильник 7, погребение 4; 25 – Абакан, погребение 1; 26 – Абакан, погребение 3.

12. Два стиля. Сопоставим же некоторые формальные компоненты афанасьевского комплекса с карасукским и их европейские связи.

Развивая старую идею (например, Bussagli 1955; Кожин 1966) и применив оригинальную методику формализации, Шер (1980) выявил два стиля в наскальных изображениях упряжек Средней и Центральной Азии. В обоих повозки изображаются в плане, как бы в развертку. Но в одном тягловые животные показаны профилем, колеса небольшого диаметра сплошные, рама треугольная, в упряжке быки. В другом, по сохранности и стратиграфии более позднем, в упряжке лошади, они показаны в плане (как бы в развертку — аналогично повозке), колеса большие со спицами, рама округлая или подчетырехугольная. Первый стиль Шер связывает с доокуневским временем, предположительно — с афанасьевским, второй — с карасукским (Шер 1980), также срубным и гальштатским (Шер, Голендухин 1982). Только повозки второго стиля являются собственно колесницами.

13. Первый стиль — афанасьевский вклад. В первом стиле нередко изображения парных упряжек из животных разного вида (несовместимых), например, быка с конем, а погонщик, нередко хвостатый, идет пешком. Шер связывает эти изображения с индоевропейским мифом о свадебном «трудном задании» — запрыгивание вместе несовместимых животных (это под силу только богу или сверхъестественному герою). Миф засвидетельствован у греков, слабее — у индоариев. К афанасьевской культуре Шер относит и стелы (ранее считавшиеся карасукскими, потом окуневскими) — с изображением круглоглазого персонажа, у которого во лбу третий глаз. Членова (1983) связывает эти изображения с греческим мифом о гигантах-киклопах («киклоп», собственно, и означает по-гречески «круглоглаз»).

Давняя идея об исходном очаге афанасьевской культуры в Северном Причерноморье ныне реализуется в идентификации этого очага с рипинской культурой рубежа IV — III тыс. (совпадения формы и орнамента керамики, а также способа погребения). Проявления мегалитизма роднят ее также с причерноморскими энеолитическими стелами, на которых (Керносово, Федоровка) имеется серия изображений с хвостатым антропоморфным персонажем, в том числе и брачная сцена. В этом круге культур Причерноморья начинался общий этногенез греков и ариев (Клейн 1987а, 1987б, 1990), а мегалитическая идея привнесена туда от западных индоевропейцев (кельто-италиков, германцев). Эти связи позволяют отнести к афанасьевской культуре первый пласт индоевропейских заимствований в китайском языке, в частности, знакомство с конем (афанасьевские находки есть и в Западной Монголии — см. Новгородова 1981: 208).

Это не тот индоевропейский вклад в китайской культуре, который по лексике связан с то-

харским языком. Таким образом, и по этим основаниям предположение об афанасьевской культуре как тохарах не находит подтверждения.

14. Второй стиль — карасукский вклад. Второй стиль Шера в своем распространении выходит за пределы карасукской культуры на запад (в Казахстан и Среднюю Азию) и на юг (в Туву и Монголию), будучи, видимо, общим достоянием нескольких этносов. Шер отмечает его и в срубной культуре, и в гальштате. Но в ранних проявлениях этот стиль находит отражение в реалиях иньского Китая, которые в свою очередь возводятся к карасукским корням. Колесница появляется в Китае ок. XII века до н.э. внезапно и неподготовленно (Li Chi 1957). Ее особенности выдают не ближневосточное, а северное, степное происхождение и по хронологии связываются с карасукской культурой (Кожин 1969б, 1977). В отличие от Ближнего Востока, в Китае часто встречаются квадриги и тройные упряжки: в одной из могил Аньяна лошади положены в той же композиции «развертки» («плана»), что и на центральноазиатских изображениях второго стиля, и тот же ракурс отражен в иньских и чжоуских иероглифах, обозначающих колесницу (Кожин 1977; Новгородова 1978, 1984), тогда как на Ближнем Востоке изображения профильные (Кожин 1977; Новгородова 1978, 1984).

Учитывая это воздействие карасукской культуры на Китай и европеоидность карасукского населения, допустимо отнести второй, тохарский, пласт индоевропейских заимствований в китайском к карасукскому времени и предположить, что карасукская культура — это тохары, а ее двучастность (Новгородова 1970; Членова 1972) отражает разделение общетохарского языка на два языка — А и В.

15. Место карасукской культуры в этногенезе. Тагарское население в Минусинских степях антропологически не родственно предшествующему населению этих мест, обладавшему карасукской культурой, хоть и европеоидному тоже, а восстанавливает физический облик гораздо более древнего населения афанасьевской культуры (Кызласов 1960; Членова 1967). Это значит, что карасукская культура выпадает из эволюционной цепи, из традиции. Пришла в этих местах, она была вытеснена вернувшимися аборигенами или их родичами. Куда? Предположительно в Западную Монголию и Синьцзян, где распространены находки карасукского типа (Новгородова 1970) и где в конце бронзового века прослеживалось европеоидное население (Новгородова 1981). Таким образом, появление в Синьцзяне тохаров и родственных им этносов, видимо, было связано с продвижением карасукской культуры с Енисея в южном направлении.

Но откуда она пришла в Южную Сибирь, или, если это культура тохаров, то с какой европейской культурой она была связана по происхождению?

6. Лесное прошлое тохаров и фатьяновская культура

16. Финно-угорский субстрат тохаров.

О предшествующей истории тохаров говорят их засвидетельствованные языком контакты с финно-угорским населением. Они не сводятся к тохарским заимствованиям в финно-угорских языках (вост.-финск. *mete* «мед» из раннетох. *met*, A *miät*, B *mit*; финноуг. *nimi* «имя» из раннетох. *n'em*- A *nom*, D *nem*; финноуг. *ves'* «золото» из тох. A *wäs*, B *yasa* (см. Pedersen 1950; Aalto 1959; Гамкрелидзе, Иванов 1984) и к финно-угорским заимствованиям в тохарских (по Краузе, A *kälk* «идти», B *käläk* «следовать» из фин. *kulkea* «идти»). Эти контакты более существенны и выражаются в глубоком преобразовании индоевропейской фонологии и грамматики под воздействием финно-угорской. Это палатализация (как в славянских и балтийских), приведшая к оглушению звонких и к динамическому ударению и — как следствие — к редукции безударных слогов. Это и появление многих вторичных падежей (локализационных). Это также образование термина для «лица» путем словосложения «глаз + нос» (Joki 1973; Иванов 1959). Отсюда следует, что у тохаров в прошлом было не просто соседство с финноугорским населением, а финноугорский субстрат (Krause 1951; Lane 1970). В то же время по изоглоссам наименьшие связи отмечаются у тохаров с ариями (Бенвенист 1959). Вывод: тохары двигались из Европы на восток по лесной полосе далеко от степей (ареала ариев) и долго жили в финноугорской среде.

17. Фатьяновская культура — лингвистическая ситуация. Такая ситуация имеет только одно археологическое соответствие: фатьяновскую культуру первой половины II тысячелетия до н.э. (на это уже обращал внимание Лейн). Фатьяновская культура соответствует лингвистической ситуации тохаров. Последователи Косинны связывали ее с завоеваниями германцев. Принято считать, что от нее осталась балтская топонимика (Kilian 1955; Моора 1958; Крайнов 1972: 268 — 270), но на деле эта топонимика проходит полосой гораздо южнее и объяснима более поздним расселением балтов.

Возможно, что разделение прототохарского на два языка, проявляющееся в двучастности карасукской культуры, восходит к установленной Кожиным двучастности фатьяновской культуры (балановская и атликасынская группы).

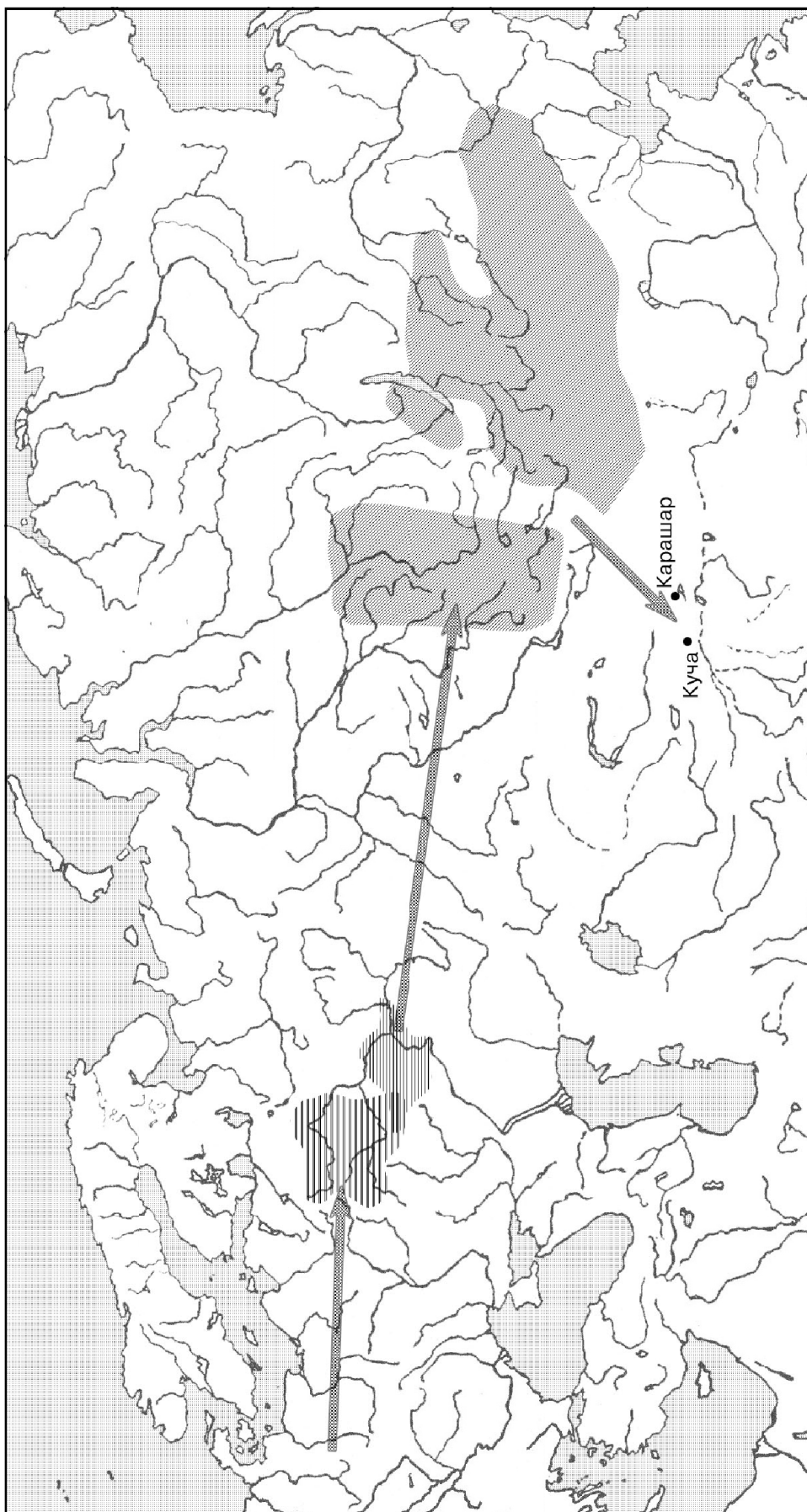
18. Фатьяновская культура — археологические характеристики. Фатьяновская культура сопоставима с карасукской по археологическим данным. Круглодонная бомбовидная с отклоненной невысокой вертикальной шейкой карасукская керамика не имеет местных корней в Сибири, выглядит там чуждой и появившейся внезапно, а для фатьяновской те

же формы и та же выделка (ленточный способ) в предшествующий период были обычны (см. Кожин 1964). Есть стилистические сходства и в вещах. Грибовидные навершия карасукских кинжалов и ножей повторяют грибовидный обушок фатьяновских боевых топоров, а в одном случае на фатьяновском топоре обушок оформлен в виде головы медведя — можно усмотреть в этом истоки традиции скульптурных наверший в виде голов животных на рукоятках карасукских кинжалов. Для гипотезы о происхождении карасукской культуры из фатьяновской подходят и датировки: фатьяновская культуры — первая половина II тысячелетия, карасукская — вторая половина.

Правда, свинья, засвидетельствованная для тохарских языков и для фатьяновской культуры, пока не обнаружена в карасукской культуре, но это может найти объяснение в специфике карасукских памятников (погребения). Наличие свиньи свидетельствует об оседлости тохаров, как и сохранение в тохарских языках индоевропейского термина для плуга. Но и карасукская культура представляется оседлой и не только скотоводческой, но и земледельческой (в ней есть бронзовые серпы).

Разумеется, в карасукской культуре проявилось и много традиций, оказавшихся ранее в Сибири (от афанасьевской до андроновской), а также много и нововведений. А многие фатьяновские особенности в ней утеряны в результате миграционных потрясений и смены среды (см. Клейн 1973; 1999).

19. Положение тохарских языков в ИЕ семье. Первоначально тохарские языки были отнесены к языкам *centum* и поставлены рядом с западными индоевропейскими. Ныне в них открыто больше признаков группы *satem*, чем группы *centum*, да и западная локализация группы *centum* поставлена под сомнение. По-видимому, сатемизации тохары подверглись уже продвинувшись на восток, в Поволжье. По своему положению в распаде индоевропейской общности, определяемому грамматическими и лексическими изоглоссами, тохары близки к балтославянским и германским языкам (Иванов 1958; Георгиев 1958а; Порциг 1964), возможно, также к фрако-фригийскому и армянскому (Роконгу 1923). Георгиев даже объединяет их с балтославянско-германской подгруппой в одну северную группу индоевропейских языков (Георгиев 1958б: 277-282). Проиллюстрировать это можно совпадениями в основной лексике: тохарские (привожу без различия А и В): *masa* «мать» (ср. «матери»), *rasa* «брат» (эти лексемы близки также к латинским и греческим), *wu* «два», *tri* «три», *stwer* «четыре» (ср. «четыре»), *ra* «пять» (др.-русс. «пять»), *mis* «мясо», *lar* «голова» (ср. «лоб»), *ak* «глаз» (ср. «око»), *walke*

Миграции тохар. — фатьяновская культура; — балановская культура; — карасукская группа; — места находок «письменных» тохар; — направление миграций тохар.

«долгий» (ср. «велик»), sana «жена», geki «речь», spāt «спать», smi «улыбаться» (ср. «смеяться») и др. С германскими (и частично латинскими) схожи тохарские расег «отец» (лат. pater, нем. Vater), okt «восемь» (лат. okto, нем. acht), kam «зуб» (нем. Kamm «гребень»), knuk «шея» (др.-герм. knock, англ. neck, нем. Neck) и др. С греческими схожи kukāle «колесо» (греч. kukloV), rog «огонь» (греч. rug) и др. Но предки греков и италиков находились в начале II тысячелетия до н.э. еще поблизости от предков славян и германцев в Центральной Европе.

Видимо, исходный пункт движения прототохаров на восток лежал в восточной части и на севере Центральной Европы.

20. Происхождение фатьяновской культуры. Так же решается и вопрос о происхождении фатьяновской культуры. Крайнов выводил ее то из среднеднепровской, то из прибалтийской шнуровой. Хойслер убедительно показал несостоятельность этой концепции, но сам готов выводить фатьяновскую культуру из местных культур ямочно-гребенчатой керамики (Häusler 1976), что совсем несуразно и архаично. Кожин (1964), выделивший в фатьяновской культуре ярославско-балановскую группу, некорректно именовал ее шнуровые амфоры шаровидными; Крайнов также использовал это наименование. На деле эти шнуровые амфоры свидетельствуют о родстве фатьяновской культуры с «амфорным» кругом культур шнуровой керамики, центр которого расположен на территории Восточной Германии и Чехии. Ее амфо-

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенист Э. 1959. Тохарский и индоевропейский // Тохарские 1959: 90-108.
- Васильев Л. С. 1974. Происхождение древнекитайской цивилизации // Вопросы истории 12: 86-102.
- Васильев Л. С. 1976. Проблемы генезиса китайской цивилизации. Формирование основ материальной культуры и этноса. М.: Наука.
- Васильев Л. С. 1977. Проблемы генезиса человека и его культуры в дояшаском Китае // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука: 137-165.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд. Тбилисского университета.
- Георгиев В. 1958а. Балто-славянский и тохарский языки // Вопросы языкознания 6: 3-20.
- Георгиев В. 1958б. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М.: Иностранная литература.
- Горнунг Б. В. 1963. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М.: АН СССР.
- Грум-Гржимайло Г. Е. 1899. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? (К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии). СПб.: типогр. В. С. Балашов.
- Грум-Гржимайло Г. Е. 1909. Белокурая раса в Средней Азии. СПб, типогр. В. Ф. Киршбаума (отг. из Записок Русского Географического Общества по отделению этнографии, т. XXXIV. Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина).
- Грум-Гржимайло Г. Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Том II. Л.: б. изд.
- Гумилев Л. Н. 1959. Динлинская проблема // Известия Всесоюзного географического общества 1: 18-26.
- Дебец Г. Ф. 1931. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии // Советская Азия 5-6: 195-209.
- Иванов В. В. 1958. Тохарские параллели к славянским уменьшительным формам // Славянская филология II. М: АН СССР: 58-63.
- Иванов В. В. 1959. Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического исследования индоевропейских языков // Тохарские 1959: 5-32.
- Иванов В. В. 1967. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема // Народы Азии и Африки 3: 106-118.
- Киселев С. В. 1949. Древняя история Южной Сибири (МИА 9). М.-Л.: АН СССР.
- Клейн Л. С. 1973. Археологические признаки миграций (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Чикаго, 1973. Доклады советской делегации). М.
- Клейн Л. С. 1980. Откуда арии пришли в Индию? // Вестник Ленинградского университета, 1980, № 20: 35-39.
- Клейн Л. С. 1987а. Индоарии и скифский мир: общие истоки идеологии (Круглый стол) // Народы Азии и Африки (М.), 5: 63-82, 92-96.

- Клейн Л. С. 1987б. Майкоп, Азия, Европа // «Знание-сила» (2), с. 66-76.
- Клейн Л. С. 1990. Ранние индоевропейцы на Кавказе и в северо-понтийских степях // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Ереван: Издат. Ереванского университета, 1990, с. 162-175.
- Клейн Л. С. 1999. Миграция: археологические признаки // *Stratum plus* (1), 52-71.
- Кожин П. М. 1963. Хронология шаровидных амфор фатьяновских могильников // СА (3), 25-37.
- Кожин П. М. 1964. О технике выделки фатьяновской керамики // КСИА (М.) 101: 53-58.
- Кожин П. М. 1966. Кносские колесницы // Археология Старого и Нового Света. М.: Наука: 76-81.
- Кожин П. М. 1968. Гобийская квадрига // СА (3), 35-42.
- Кожин П. М. 1969а. К вопросу о происхождении иньских колесниц // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Л.: Наука: 29-40.
- Кожин П. М. 1969б. О сарматских повозках // МИА 169: 92-95.
- Кожин П. М. 1970. О псалях из афанасьевских могил // СА (4), 189-193.
- Кожин П. М. 1977. Об иньских колесницах // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М.: Наука: 278-287.
- Крайнов Д. А. 1972. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура II тыс. до н.э.). М., Наука.
- Краузе В. 1959. Тохарский язык // Тохарские 1959: 39-89.
- Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха. М.: Изд. Моск. университета.
- Лелеков Л. А. 1982. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ (3).
- Литвинский Б. А. 1963. Бронзовый век // История таджикского народа. Т. 1.
- Моора Х. А. 1958. О древней территории расселения балтийских племен // СА (2), 9-33.
- Новгородова Э. А. 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М.: Наука.
- Новгородова Э. А. 1978. Древнейшие изображения колесниц в горах Монголии // СА (4), 192-206.
- Новгородова Э. А. 1981. Ранние этапы этногенеза народов Монголии (кон. III-нач. I тыс. до н.э.). - Этнические проблемы народов Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). М.: 207-215.
- Новгородова Э. А. 1984. Мир петроглифов Монголии. М.: Наука.
- Новгородова Э. А. 1987. Некоторые географические факторы миграции карасукских племен // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск.: Изд. Томск. ун-та: 22-23.
- Поливанов Е. Д. 1916. Индоевропейское *medhu » общекитайское mit // Записки Восточного отдела Русского Археологического Общества, т. XXIII, в. I-II, Пг.: 263-264.
- Порциг В. 1964. Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс.
- Посредников В. А. 1990. Ямно-афанасьевские параллели в свете современной индоевропеистики // проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск: 185-187.
- Сафронов В. А. 1983. Проблемы индоевропейской прародины. Орджоникидзе: Северо-Осетинский гос. университет.
- Семенов Вл. А. 1987. Древнеямная культура-афанасьевская культура и проблемы прототохарской миграции на восток // Смены культур и миграции в Западной Сибири. Томск: 17-19.
- Семенов Вл. А. 1993. Древнейшая миграция индоевропейцев на Восток (К столетию открытия тохарских рукописей) // Петербургский Археологический Вестник (4), 25-30.
- Тереножкин А. И. 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев. Изд. АН УССР.
- Тохарские 1959. Тохарские языки. М.: Иностранная литература.
- Цзи Сянь-линь. 1959. Тохарский язык; его открытие, расшифровка и значение для китайско-индийских культурных связей // Тохарские 1959: 137-150.
- Чебоксаров Н. Н. 1977. Антропологический состав населения современного Китая в палеолите, мезолите и неолите // Ранняя история народов Восточной Азии. М.: Наука: 74-97.
- Членова Н. Л. 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука.
- Членова Н. Л. 1983. Где жили аримаспы? // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: 21-36.
- Шер Я. А. 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука.
- Шер Я. А., Голендухин Ю. Н. 1982. Колесницы Самалы-Таша // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Под ред. В. М. Массона и В. М. Плоских. Фрунзе: Илим: 18-24.
- Aalto P. 1959. Ein alter Name des Kupfers // *Ural-Altaische Jahrbücher*, XXI: 33-70.
- Bussagli M. 1955. The «frontal» representation of the Divine Chariot // *East and West* (Rome) 6.
- Conrady A. 1925. Alte westöstliche Kulturwörter // *Berichte über die Verhandlungen der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, phil.-hist Klasse* 77 (3), 3-19.
- Dewall M. von. 1964. Das Pferd und Wagen in Alten China. Berlin: Habelt.
- Häusler A. 1975. Die schnurkeramischen Becherkulturen // Narr K. J. (Hrsg.). *Handbuch der Urgeschichte*. Bd. 2. Bern: Francke: 483-497.
- Häusler A. 1976. Zum Ursprungsproblem der Fatjanowokultur // *Jahresschrift für mitteleuropäische Vorgeschichte* 60: 285-297.
- Heine-Geldern R7 1951 & Das Tocharen-Problem und die pontische Wanderung // *Saeculum* II (2): 225-255.
- Henning W. F. 1938. Arghi and Tokharians // *British School of Oriental Studies Bulletin* 9: 545.
- Izushi J. 1930. Temba ko (The horse of the Sun in Chinese tradition and Western horses of the Han period) // Tokio: Toyo gakuho, 18.
- Jensen H. 1936. Indogermanisch und Chinesisch // Germanen und Indogermanen. Festschrift für H. Hirt. Bd. 2. Heidelberg: Carl Winter: 139-143.
- Joki A. J. 1973. Uralier und Indogermanen. Die ältesten Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki (Suomalais Ugrilainen Seuran Toimituksia, 151).
- Kilian L. 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn.
- Kleijn L. S. 1984. The coming of Aryans: who and whence? // *Bulletin of the Deccan College Research Institute* (Pune), vol. 43: 57-72.
- Krause W. 1951. Zur Frage nach den nichtindogermanischen Substrat des Tocharischen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* (Göttingen) 69, 3-4: 185-203.
- Maenchen-Helfen O. 1939. The Ting-ling // *Harvard Journal of Asia Studies*, vol. 4, no. 1: 77-86.

- Lane G. S. 1970. Tocharian: Indo-European and non-Indo-European relationship // Cardona G., Hoenigswald H. M. and Senn A. (ed.). Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia: Pennsylvania University Press.
- Li Chi 1957. The beginning of the Chinese civilization. Seattle.
- Pedersen H. 1950. Eine tocharische Frage // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung, I: 103-104.
- Piggott S. 1974. Chariots in the Caucasus and in China / Antiquity, vol. XLVIII, no. 189: 16-24.
- Pokorny J. 1923. Die Stellung des Tocharischen im Kreise der indogermanischen Sprachen // Berichte des Forschungsinstituts für Ost und Orient in Wien, III.
- Pulleyblank E. G. 1966. Chinese and Indo-Europeans // Journal of Royal Anthropological Society pt. 1-2: 9-39.